

Моей матери
Эйлин Армстронг

Karen Armstrong

JERUSALEM

ONE CITY, THREE FAITHS

Ballantine Books • New York

Карен Армстронг

ИЕРУСАЛИМ

ОДИН ГОРОД, ТРИ РЕЛИГИИ

Москва
2011

УДК 291.3
ББК 86.2
А83

Переводчик Елена Лалаян
Редактор Мария Суханова

Армстронг К.

А83 Иерусалим: Один город, три религии / Карен Армстронг ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011. — 566 с.

ISBN 978-5-91671-084-7

По разным причинам Иерусалиму было суждено стать сердцем священной географии и для иудеев, и для христиан, и для мусульман. На протяжении веков этот Святой город остается местом притяжения миллионов людей и ареной нескончаемых конфликтов.

Книга повествует о бурной многовековой истории Иерусалима: о жестокостях, творившихся во имя этого города и о коротких периодах мира, благоденствия и терпимости. «Иерусалим» — не просто увлекательная история города. Карен Армстронг — наиболее известный религиовед современности — по сути создала краткую историю формирования и развития трех ведущих монотеистических религий.

Книга ориентирована на широкую аудиторию.

УДК 291.3
ББК 86.2

**Издание подготовлено при поддержке
компании «Уайтхолл»**

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru

- © Karen Armstrong, 1996, 1997
- © Предисловие. Karen Armstrong, 2005
- © Архитектурные планы. John Field, 1996
- © Карты. Mark Stein Studios, 1996
- © Путеводитель для читателя. Random House, Inc., 2005
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2011

ISBN 978-5-91671-084-7 (рус.)
ISBN 0-345-39168-3 (англ.)

Содержание

Предисловие	7
Благодарности	10
Введение	11
Иерусалим	21
Глава 1	
Сион.....	23
Глава 2	
Народ Израиля	44
Глава 3	
Город Давидов	62
Глава 4	
Город Иудин.....	83
Глава 5	
Плен и возвращение.....	109
Глава 6	
Антиохия Иудейская	136
Глава 7	
Разрушение	161

Глава 8	
Элия Капитолина	193
Глава 9	
Новый Иерусалим	217
Глава 10	
Святой город христиан	240
Глава 11	
Байт аль-Макдис	266
Глава 12	
Аль-Кудс.....	297
Глава 13	
Эпоха крестоносцев	325
Глава 14	
Джихад.....	351
Глава 15	
Город Османской империи	382
Глава 16	
Возрождение	409
Глава 17	
Государство Израиль.....	437
Глава 18	
Сион?	468
Литература	505
Иерусалим. Путеводитель для читателя:	
Беседа с Карен Армстронг	527
<i>Кристиан Берд</i>	
Об авторе	533
Алфавитный указатель	534

Предисловие

Впервые эта книга была опубликована в 1996 г. В ту пору ситуация в Иерусалиме выглядела исключительно тяжелой, и трудно было представить себе возможное урегулирование конфликта между израильтянами и палестинцами. Но стороны хотя бы говорили о мире. Невзирая на трагическую гибель президента Израиля Ицхака Рабина, подписанные в Осло соглашения еще действовали, и, хотя имелись очевидные трудности, а действия религиозных экстремистов с обеих сторон тормозили мирный процесс, он все же продвигался. Прекращение открытой вражды и насилия было выгодно как израильтянам, так и палестинцам — и в политическом, и в социальном, и в экономическом плане. Осенью 2004 г., когда я пишу эти строки, то время вспоминается как безмятежное. Ситуация на Ближнем Востоке достигла такого накала, что угрожает безопасности всего человечества. Наш мир необратимо изменился — но в Иерусалиме, тем не менее, изменилось не очень многое.

В сентябре 2000 г. Ариэль Шарон в сопровождении сотен сподвижников поднялся на Храмовую гору (Харам аш-Шариф). Это был символический акт, задуманный как провокация. Шарон считался вдохновителем создания еврейских поселений в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, теперь в его действиях прочитывалась угроза захватить Храмовую гору. Тут же последовала вспышка насилия, и началась Вторая интифада, похоронившая мирный процесс. Сегодня достигнутые в Осло договоренности лежат в руинах. Палестинские террористы-смертники обрушили на Израиль серию ужасающих террористических атак, и жертвы с обеих сторон огромны.

11 сентября 2001 г. 19 членов террористической организации «Аль-Каида», возглавляемой исламским экстремистом Усамой бен Ладеном, предприняли атаку на Всемирный торговый центр и Пентагон. Это не могло не сказаться на ситуации в Израиле и Палестине. Отношения

между Западом и исламским миром сейчас хуже, чем когда-либо в прошлом, а Иерусалим можно считать кровоточащим сердцем проблемы. Для всех сторон этот город по-прежнему свой в самом глубоком смысле слова.

Евреи видят в Святом городе источник духовного исцеления, феникса, поднявшегося из пепла миллионов их братьев и сестер, сожженных в Освенциме. Постоянно живя под дамокловым мечом новых атак террористов-смертников, израильтяне все больше разубеждаются в возможности мирно сосуществовать в Иерусалиме с палестинцами. Мусульмане тоже ощущают себя во враждебном окружении из-за начатой США после 11 сентября «войны с терроризмом». Многие из них видят в утрате мусульманского Иерусалима символ собственного бессилия в современном мире.

Ужесточилась позиция и американских правых христиан. Они, как и прежде, верят, что Армагеддон — последняя битва добра и зла — произойдет за пределами Иерусалима, а евреи должны пребывать на Святой земле, дабы исполнились древние пророчества (хотя Антихрист, согласно этим пророчествам, уничтожит всех евреев, не принявших крещения). Во времена холодной войны Антихристом в глазах христианских фундаменталистов был Советский Союз, а после 11 сентября они уверились, что эта роль должна быть отведена исламу. Их воззрения, несомненно, накладывают свой отпечаток на политику США на Ближнем Востоке.

И все же, как вы увидите, прочитав эту книгу, Иерусалим веками был и по сей день остается городом-символом, который окутан в сознании людей аурой ассоциативных связей и благодаря этой ауре стал священным. Люди нашли в Святом городе своего Бога, и город стал частью их души. Бог всегда ощущался людьми не только как непостижимая высшая сущность, но и как нечто, составляющее основу их бытия. Когда над Иерусалимом нависала опасность, они воспринимали ее как угрозу для себя лично; когда осквернялась святость города, они чувствовали, что растоптана их собственная честь. Сегодня каждый чувствует себя — и действительно находится — в опасности, все постоянно настороже в ожидании очередного террористического акта. В результате Иерусалим стал для своих жителей еще более священным, чем когда бы то ни было в прошлом.

Эта книга повествует о бурной истории Иерусалима и обо всех жестокостях, творившихся во имя этого города. В то же время она показывает, что на протяжении веков евреи, христиане и мусульмане находили способы жить там в мире и согласии. Мирное сосуществование в Святом городе — вовсе не несбыточная мечта. Коль скоро Иерусалим стал символическим средоточием конфликта, который угрожает

взорвать наш мир, урегулирование здесь жизненно важно. Решение проблемы Иерусалима потребует огромного искусства и высочайшей преданности делу мира; каждому придется чем-то пожертвовать. Когда-то люди умели мирно уживаться в Иерусалиме, а значит, этому можно научиться снова.

Благодарности

Писательство — занятие, предполагающее уединение, даже подчас одиночество, и все же я должна поблагодарить моих литературных агентов Фелисити Брайан (Felicity Brian), Питера Гинсберга (Peter Ginsberg) и Эндрю Нюрнберга (Andrew Nurnberg), а также моих редакторов Джейн Гарретт (Jane Garrett) и Стюарта Проффитта (Stuart Proffitt) за то, что они поддерживали и воодушевляли меня. Я также признательна Роджеру Боузу (Roger Boase), Клэр Брэдли (Claire Bradley), Джулиэт Брайтмор (Juliet Brightmore), Кэтрин Хоуриган (Katherine Hourigan), Теду Джонсону (Ted Johnson), Антее Лингерман (Anthea Lingerman), Джонатану Магонету (Jonathan Magonet), Тоби Манди (Toby Mundy) и Мелвину Розенталю (Melvin Rosenthal) за их экспертную оценку, терпение, рекомендации и помощь. И, наконец, я искренне благодарна Джоэль Делбурго (Joelle Delbourgo), моему давнему редактору в издательстве Ballantine — она первой подала мне идею написать эту книгу, постоянно подбадривала меня и щедро делилась со мной своим неиссякаемым энтузиазмом.

Введение

В Иерусалиме, более чем в любом другом месте, где мне доводилось бывать, история — одно из измерений современности. Возможно, это свойство присуще любой спорной территории, но оно сразу бросилось мне в глаза, как только я впервые попала в Иерусалим. Это было в 1983 г. Я сама поражаюсь силе собственной реакции на этот город. Мне было странно бродить по местам, которые с самого раннего детства уже существовали в моем воображении, навеянные рассказами о царе Давиде и Иисусе. Позже меня, юную монахиню, учили начинать утренние благочестивые размышления, мысленно представляя себе библейские сцены, так в моей голове сложились образы Гефсиманского сада, Масличной горы или Виа Долороза. И вот теперь я ходила по своим делам через те самые места, и передо мной открывалась напряженная и далеко не во всем понятная мне жизнь реального Иерусалима. Нельзя было не заметить, что для мусульман и евреев этот город тоже очень важен. Глядя, как трепетно припадают губами к Западной стене еврей-ортодоксы в черных лапсердаках и суровые израильские солдаты, как заполоняют улицы мусульманские семейства в праздничных одеждах, направляющиеся на пятничную молитву на Харам аш-Шариф, я впервые осознала проблему религиозного плюрализма. Эти люди воспринимали символическое значение Иерусалима иначе, чем я. Они, вне всякого сомнения, были глубоко привержены своему священному городу, хотя в *моем* Иерусалиме их вовсе не было. Но все-таки этот город оставался и моим: я постоянно сопоставляла библейские картины, созданные когда-то моим воображением, с тем, что сама увидела здесь сегодня, на излете XX века. Неразрывно связанный с некоторыми из самых знаменательных событий моей жизни, Иерусалим стал неотъемлемой частью меня самой.

Как гражданка Великобритании, я, в отличие от моих новых друзей и коллег — жителей Иерусалима, — не могла заявлять претензий

на этот город. Когда же израильтяне и палестинцы приводили мне доводы в подтверждение своих прав на него, я всякий раз поражалась, насколько живо и остро присутствует здесь прошлое. Те и другие могли во всех подробностях, иногда с точностью до минут, изложить перипетии событий, приведших к провозглашению государства Израиль в 1948 г., или описать ход Шестидневной войны 1967 г. И очень часто я замечала, что главный для моих собеседников вопрос — это кто и что сделал *первым*. Кто первым прибег к насилию — сионисты или арабы? Кто первым оценил потенциал Палестины и занялся развитием страны? Кто первым поселился в Иерусалиме — евреи или палестинцы? Обсуждая тревожное настоящее, и израильтяне, и палестинцы инстинктивно обращались к событиям прошлого, легко переходя от бронзового века в Средневековье и в XX столетие. А когда израильтяне и палестинцы с гордостью показывали мне *свой* Иерусалим, сами памятники старины оказывались втянутыми в конфликт.

В мой самый первый день в Иерусалиме израильские коллеги научили меня распознавать по скошенным кромкам камни, обтесанные во времена царя Ирода. Эти камни попадались мне на каждом шагу, постоянно напоминая, что евреи отстраивали Иерусалим задолго до того, как ислам ступил на историческую сцену. А когда мы встречали в Старом Городе строителей, мои израильские коллеги всякий

Разъединенные десятилетиями вражды, и израильтяне, и палестинцы настаивают на том, что Иерусалим принадлежит им и только им. Этот спор грозит углубить пропасть между ними, сделав невозможным мирное сосуществование.

раз заводили разговор о том, в каком пренебрежении и запустении находился город во времена османского господства. Лишь в XIX в. он стал возвращаться к жизни, в основном благодаря еврейскому капиталу; памятники того периода — ветряная мельница, сооруженная на средства сэра Мозеса Монтефиоре, больницы, основанные семейством Ротшильдов. И только благодаря неустанной заботе израильского правительства Иерусалим достиг небывалого прежде расцвета.

Мои друзья-палестинцы показывали мне совсем другой Иерусалим. Они обращали мое внимание на великолепие горы Харам аш-Шариф, на изящные медресе — религиозные школы, построенные вокруг Харамы мамлюками, — это ли не свидетельство любви мусульман к Иерусалиму? Они возили меня к комплексу Неби-Муса близ Иерихона, возведенному для защиты Иерусалима от христиан, к расположенным неподалеку выдающимся памятникам времени Омейядов. Однажды, когда мы проезжали через Вифлеем, палестинец, который вез меня, остановил машину возле гробницы Рахили и с большим чувством рассказал, как палестинцы веками благоговейно заботились об этой иудейской святыне, — за что им отплатили черной неблагодарностью.

И везде снова и снова повторялось одно и то же слово — «святой». Даже самые далекие от религии израильяне и палестинцы твердили, что Иерусалим — Святой город их народа. Палестинцы даже называли его по-арабски аль-Кудс, что значит «святой», но израильяне презрительно отмахивались от этого словоупотребления. Они говорили, что Иерусалим стал священным *сначала* для евреев, а для мусульман он никогда не значил столько, сколько Мекка или Медина. Но что означало в этом контексте слово «святой»? Как вообще мог быть священным просто-напросто город, полный грешных людей, занятых отнюдь не благочестивыми делами? Почему святость Иерусалима волновала даже тех евреев, которые считали себя воинствующими атеистами, какие чувства связывали их с Западной стеной? И почему у неверующего араба навернулись на глаза слезы, когда он впервые в жизни оказался у мечети Аль-Акса? Я понимала, чем Иерусалим свят для христиан, — ведь здесь умер и воскрес Иисус, здесь зародилась христианская вера. Но события, связанные с возникновением иудаизма и ислама, произошли далеко от Иерусалима — на Синайском полуострове и в Хиджазе, в Аравии. Почему, например, иудеи почитают святым местом гору Сион в Иерусалиме, а не гору Синай, где Господь даровал Моисею Закон и заключил завет с Израилем? Очевидно, я ошибалась, предполагая, что святость города может быть прямо связана с событиями священной истории, с преданиями о вмешательстве Бога в дела людей. Что же она такое? Чтобы в этом разобраться, я задумала написать книгу, которую вы держите сейчас в руках.

Оказалось, что хотя эпитет «святой» применяется по отношению к Иерусалиму как самоочевидный, на деле его значение довольно сложно. Каждая из трех монотеистических религий выработала свой комплекс связанных с Иерусалимом традиций, причем эти традиции на удивление схожи друг с другом. Кроме того, поклонение святому месту или святому городу — почти универсальный феномен. Ученые-религиоведы считают его одним из самых ранних проявлений религиозности во всех известных культурах. Люди создали так называемую священную географию, которая не имеет ничего общего с научной картой мира, а отражает их духовную жизнь. Реально существующие города, рощи и горы стали символами этой духовности, и их почитание — настолько повсеместное явление, что оно явно должно быть связано с некой нашей глубинной потребностью, не зависящей от того, как мы представляем себе Бога или Сверхъестественное. Иерусалим — по разным причинам — сделался центральным элементом священной географии для иудеев, христиан и мусульман. Поэтому всем им очень трудно взглянуть непредвзято на этот город, неотделимый от них самих и от их представлений о той высшей реальности — иногда именуемой «Бог» или «священное», — которая придает смысл и ценность нашему земному существованию.

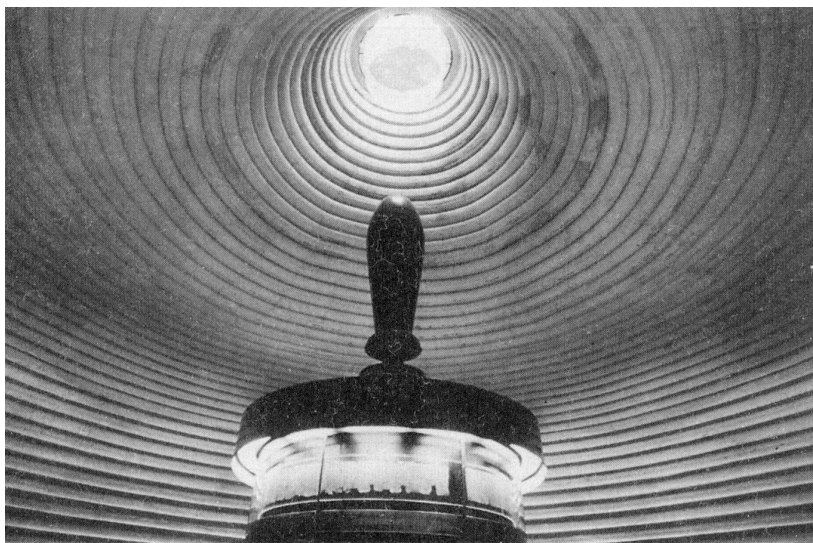
На страницах этой книги я буду постоянно обращаться к трем взаимосвязанным понятиям. Первое — это сама идея Бога, или священного. Западной культуре свойственно представление о Боге как об антропоморфной личности, из-за этого вся концепция божественного нередко выглядит непоследовательной и неправдоподобной. А поскольку слово «Бог» оказалось дискредитировано в глазах многих людей из-за наивных и часто ужасающих дел, творившихся от «Его» имени, мне во многих случаях будет проще употреблять термин «священное». Выстраивая картину мира, человек всегда ощущал некую трансцендентность и тайну в основе бытия. Он чувствовал, что эта тайна глубоко связана с ним самим и с миром природных явлений, но в то же время выходит за пределы представимого. Как бы мы ни называли ее — Богом, Брахмой, Нирваной, — она всегда присутствовала в человеческой жизни. Все мы испытываем нечто подобное, независимо от наших теологических представлений, слушая прекрасную музыку или великие стихи, — что-то случается с нашей душой, и она вдруг воспаряет над нами. Нам необходимо это ощущение, и если мы не найдем его в каком-то одном месте — скажем, в стенах церкви или синагоги, — то пустимся в дальнейшие поиски. Священное способно вызывать множество разных переживаний: оно внушало ужас, благоговейный трепет, восторг, умиротворение, повергало в безумие и вдохновляло на подвиг. Именно оно придает смысл нашему существованию и полноту — нашей жизни.

Мы воспринимаем его не просто как внешнюю по отношению к нам силу, а чувствуем его частицу в глубине своего существа. Но ощущение священного, как и любой эстетический опыт, следует культивировать, а в нашем современном, чисто светском обществе этой необходимости не всегда придавалось первостепенное значение. Не получая достаточного развития, способность к духовным переживаниям постепенно утрачивается. В более традиционных обществах эта способность играла критически важную роль. В действительности людям часто представлялось, что без чувства божественного вообще не стоит жить.

Отчасти это связано с восприятием мира как источника страданий. Мы становимся жертвами стихийных бедствий, человеческой несправедливости и жестокости, мы смертны и подвержены старению. Религиозный поиск в большинстве случаев начинался именно с осознания несовершенства мира, или, по выражению Будды, «искривленности бытия». Помимо страданий, общих для всей плоти, все мы испытываем личную боль, которая делает, казалось бы, не очень существенные события невыносимо мучительными для нас. Мы чувствуем себя неприкаемыми, и такие переживания, как утрата близких, разрыв семейных или дружеских уз и даже потеря любимого человека иногда видятся нам частью изначального вселенского зла. Этот внутренний дискомфорт ощущается как отлучение от чего-то важного — так, будто в нашей жизни чего-то недостает; существование кажется нам раздробленным и неполноценным. Мы чувствуем, что жизнь не должна была быть такой, что мы упустили что-то чрезвычайно важное для своего душевного благополучия, — хотя нам вряд ли удалось бы объяснить наше состояние рационально. Чувство утраты проявляется во множестве форм. Оно прослеживается и в платоновском представлении о половинках душ, разделенных до рождения, и в мифе о потерянном рае, который есть у многих народов. В прошлые века мужчины и женщины, надеясь облегчить свою боль, обращались к религии и находили исцеление в переживании священного. Сегодня на Западе люди иногда прибегают к психоанализу, ища научного истолкования этой изначальной тоски. Психоаналитики связывают ее с памятью о пребывании в утробе матери и болезненным шоком рождения. Но, независимо от способа рассмотрения, осознание оторванности от чего-то важного и жажда духовного исцеления лежат в основе почитания святых мест.

Второе, что нам необходимо рассмотреть, — это понятие мифа. Пытаясь говорить о священном или о боли человеческого бытия, люди не могли передать свой опыт в логических формулировках, но им удалось это сделать с помощью мифологии. Даже Фрейд и Юнг, первыми наметившие путь для того, что можно назвать научным поиском

души, при описании внутренних переживаний человека обращались к античным и библейским мифам; они также создавали новые, собственные мифы. Сегодня значение слова «миф» несколько обесценилось; обычно так называют то, что не является правдой. События могут сбрасываться со счетов только потому, что это «всего лишь» мифы. Это, безусловно, справедливо в отношении споров вокруг Иерусалима. Палестинцы заявляют, что нет абсолютно никаких археологических подтверждений существования Иудейского царства, основанного царем Давидом, и не найдено следов Храма Соломона. Израильское царство не упоминается ни в одном историческом документе того времени — только в Библии, — следовательно, вполне возможно, что оно — не более чем «миф». Не оставаясь в долгу, израильяне развенчивают — как явно абсурдный — рассказ о вознесении на небеса пророка Мухаммада с горы Харам аш-Шариф, т. е. тот миф, на котором основано почитание мусульманами Иерусалима — аль-Кудса. Но я пришла к убеждению, что поступать так — значит упускать из виду главное. Мифология никогда не претендовала на исторически достоверное описание реально произошедших событий. Она была попыткой выразить внутреннюю значимость событий или привлечь внимание к сущностям, слишком неуловимым для того, чтобы обсуждать

В Храме книги в Западном Иерусалиме хранятся знаменитые свитки Мертвого моря. Сексуальные образы во внутреннем убранстве помещения свидетельствуют о том, что древние мифы священной географии глубоко укоренились в светском государстве Израиль.

их в логически последовательной форме. Мифология была удачно определена как древняя форма психологии: она показывает нам внутренние пределы нашего «я», таинственные и вместе с тем влекущие нас. Мифы «священной географии», таким образом, выражают истины, касающиеся внутренней жизни. Мифы затрагивают таинственные источники людских страданий и желаний, а потому могут высвободить мощнейшие эмоции. Ни в коем случае нельзя пренебрегать рассказами о Иерусалиме, ссылаясь на то, что они — «всего лишь» мифы: они важны именно потому, что являются мифами.

Проблема Иерусалима взрывоопасна именно потому, что этот город приобрел статус мифа. Участники конфликта с обеих сторон и представители международного сообщества часто призывают к дискуссии о правах и суверенитете, основанной только на рациональных доводах и отделенной от эмоциональных фантазий. Это совершенно естественное пожелание, и было бы прекрасно, если бы его удалось выполнить. Но нельзя надеяться на то, что мы сумеем преодолеть жажду мифов. В прошлом неоднократно предпринимались попытки выкорчевать мифы из религии. Древнееврейские пророки и реформаторы, например, изо всех сил пытались отмежевать свою религию от мифологии местных ханаанских племен, в чем, однако, так и не преуспели. Старые предания и легенды вновь всплыли на поверхность в мистицизме Каббалы, т. е. миф восторжествовал над более рациональными формами религии. В истории Иерусалима, как мы увидим, люди не раз инстинктивно обращались к мифу, когда на них обрушивались столь тяжкие беды, что идеология, апеллирующая к разуму, не могла принести им утешения. Подчас внешние события представлялись людям настолько созвучными их внутренней духовной реальности, что немедленно приобретали статус мифов и рождали мощную волну мифотворчества. Так произошло с открытием Гроба Господня в IV в. н. э. и с оккупацией Иерусалима Израилем в 1967 г. В обоих случаях участники событий искренне верили, что окончательно избавились от пережитков примитивного сознания, но на деле не могли ему противостоять. Катастрофы, обрушившиеся в наш век на еврейский народ и народ Палестины, были чудовищными, поэтому неудивительно, что миф вновь вышел на передний план. Так что, хорошо это или плохо, мы не можем обойти стороной мифологию Иерусалима, если наша задача — пролить свет на истоки устремлений и поступков людей, находящихся под ее воздействием.

Последнее понятие, которое мы обсудим, прежде чем пускаться в путь по историческому прошлому Иерусалима, — это символы. Наше общество ориентировано на научное познание, и мышление в категориях образов и символов не является для нас естественным. Мы более склонны к логическому, рассудочному мышлению, когда восприятие

физических явлений происходит без участия воображения; мы стремимся очистить объект от возникших у нас в связи с ним эмоциональных ассоциаций и сосредоточиться на нем самом. Этот рационализм, формирование которого началось, как мы увидим далее, в XVI в., в корне изменил характер религиозного опыта у многих жителей западных стран. Мы сейчас можем сказать, что тот или иной объект — *не более чем* символ, т. е. нечто принципиально отличное от представляемой им мистической реальности. В древности и в Средневековье все было иначе. Символ рассматривался как часть реальности, на которую он указывал; религиозный символ, таким образом, обладал силой, способной ввести верующего в сакральную сферу. На всем протяжении истории священное никогда не воспринималось непосредственно — за исключением, быть может, редких единичных случаев. Его всегда ощущали в чем-то, отличном от него самого. Так, божественное начало видели в человеке — мужчине или женщине, — который становился воплощением божества, в священном тексте, своде законов, учении. Один из самых ранних и самых распространенных священных символов — место. Люди ощущали присутствие божественного начала в горах, рощах, городах, храмах. Попадая туда, человек словно вступал в иное измерение, существующее отдельно от обывденного мира, но совместимое с ним. Для евреев, христиан и мусульман Иерусалим был именно таким священным символом.

Превращение места в священный символ происходит не само собой. После того, как кто-нибудь тем или иным способом обнаруживал в определенном месте присутствие божественного начала и способность подарить человеку опыт соприкосновения с божеством, начиналось поклонение, и верующие прилагали огромную созидательную энергию для того, чтобы помочь другим испытать тот же священный трепет. Как мы увидим, архитектура храмов, церквей, мечетей несет важную символическую нагрузку, зачастую отображая духовный путь к обретению Бога. Богослужение и обрядность также усиливали чувство нахождения в священном пространстве. В протестантской части западного мира бытует унаследованное от прошлых поколений недоверие к религиозному церемониалу, он кажется людям чем-то дикарским. Однако, вероятно, правильнее было бы воспринимать богослужение как своего рода театрализованное действие, способное породить мощное метафизическое переживание даже у людей, очень далеких от религии. Западная драма происходит из религиозных обрядов — священных празднеств, которые устраивали древние греки, пасхальных торжеств в церквях и соборах средневековой Европы. Были созданы и особые мифы, призванные выразить духовное значение города Иерусалима и различных его святынь.

Один из этих мифов — «вечное возвращение», как назвал его покойный Мирча Элиаде, американский религиовед и культуролог румынского происхождения. Согласно мифологии вечного возвращения, присутствующей, как смог установить Элиаде, практически во всех культурах, у каждого объекта на земле есть свой аналог в божественной сфере. Можно видеть здесь попытку выразить то ощущение, что наша обыденная жизнь неполна и отделена от более полноценного существования в каком-то ином месте. У всех занятий и умений человека тоже есть божественные аналоги: копируя деяния божеств, человек может приобщиться к их божественному существованию. Этот тип поведения, именуемый *imitatio dei* (подражание божеству), встречается и сегодня. Почему, например, евреи отдыхают в субботу, а христиане едят в церкви хлеб и пьют вино? Сами по себе эти действия лишены смысла, но люди воспроизводят их, веря, что Бог в определенном смысле однажды сделал то же самое. Ритуалы, связанные со святыми местами, — еще один способ подражания богам, символическое вступление в сферу более полноценного и мощного бытия. Миф о вечном возвращении критически важен и для культа священного города, который можно рассматривать как модель небесной обители богов; каждый храм в этой системе координат воспроизводит чертог определенного божества. Скопированный с божественного архетипа со всей возможной точностью, храм мог служить также земной обителью соответствующего бога.

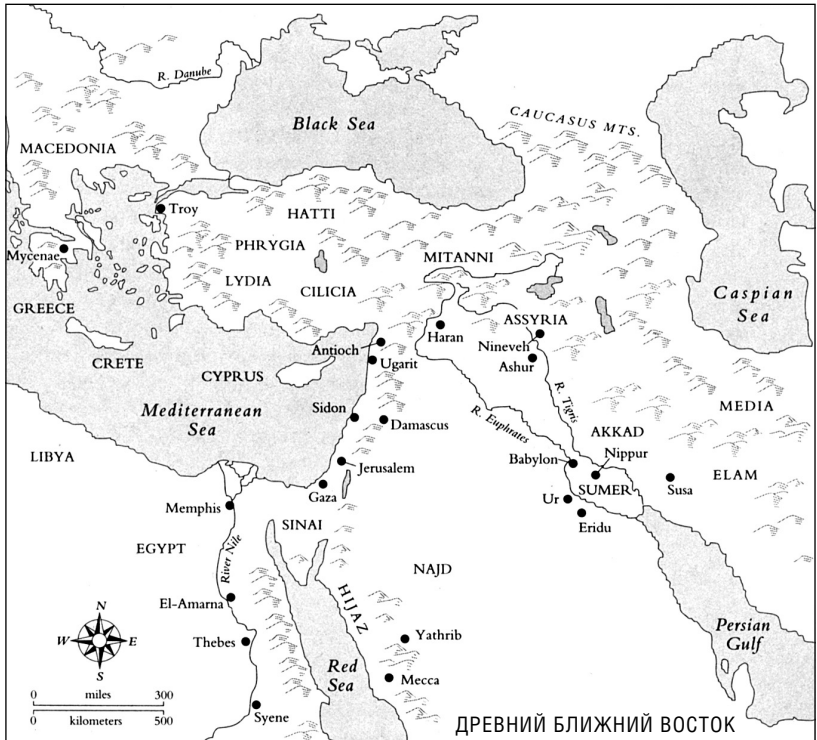
В холодном свете современного рационализма такие мифы кажутся нелепыми. Но эти идеи не были сначала созданы, а затем приложены к определенному «святому» месту, — с их помощью человек пытался объяснить реальный опыт. В религии опыт всегда предшествует теологическому объяснению. Люди сначала ощущали соприкосновение с сакральной сферой в роще или на вершине горы. Иногда настроиться на восприятие священного им помогали эстетические средства — архитектура, музыка, богослужение, — благодаря которым душа воспаряла над обыденностью бытия. Затем они пытались передать этот опыт поэтическим языком мифа или через символы священной географии. Иерусалим оказался одним из таких мест, причем он «сработал» сразу и для иудеев, и для христиан, и для мусульман.

И еще одно необходимое замечание. Религиозная практика во многом родственна занятиям искусством. Искусство и религия равно стремятся постичь некий глубинный смысл нашего несовершенного и трагического мира. Однако, в отличие от искусства, религия обязана нести в себе и этическое измерение. По-видимому, можно было бы определить религию как нравственную эстетику. Нам мало соприкоснуться с божественным или трансцендентным — опыт этого переживания

должен быть затем воплощен в нашем поведении по отношению к другим людям. Во всех великих религиях истинным критерием духовности объявляется практическое сочувствие — милосердие. Будда однажды сказал, что человеку, достигшему просветления, следует спуститься с горной вершины на рыночную площадь и сострадать всем живым существам. Таково же духовное значение святых мест. В культуре Иерусалима с самых первых дней огромная роль принадлежала благотворительности и социальной справедливости. Не может быть святым город, если он не будет также праведен и милосерден к слабым и обездоленным. Но, увы, об этом нравственном императиве часто забывали. Некоторые из самых страшных жестокостей в Иерусалиме творились именно тогда, когда люди ставили чистоту города и свое желание получить доступ к его великой святости выше справедливости и милосердия.

Все эти подспудные процессы наложили свой отпечаток на долгую и бурную историю Иерусалима. В этой книге я не сделаю попытки установить закон для Иерусалима на будущее — это было бы слишком самоуверенно. Я лишь попробую разобраться, что имели в виду иудеи, христиане и мусульмане, называя город «святым», и выявить некоторые следствия его святости в каждой из трех традиций. Это представляется мне не менее важным, чем решение вопроса о том, кто пришел сюда *первым* и, таким образом, должен владеть городом, — тем более что о возникновении Иерусалима практически ничего не известно.

ИЕРУСАЛИМ

Глава 1

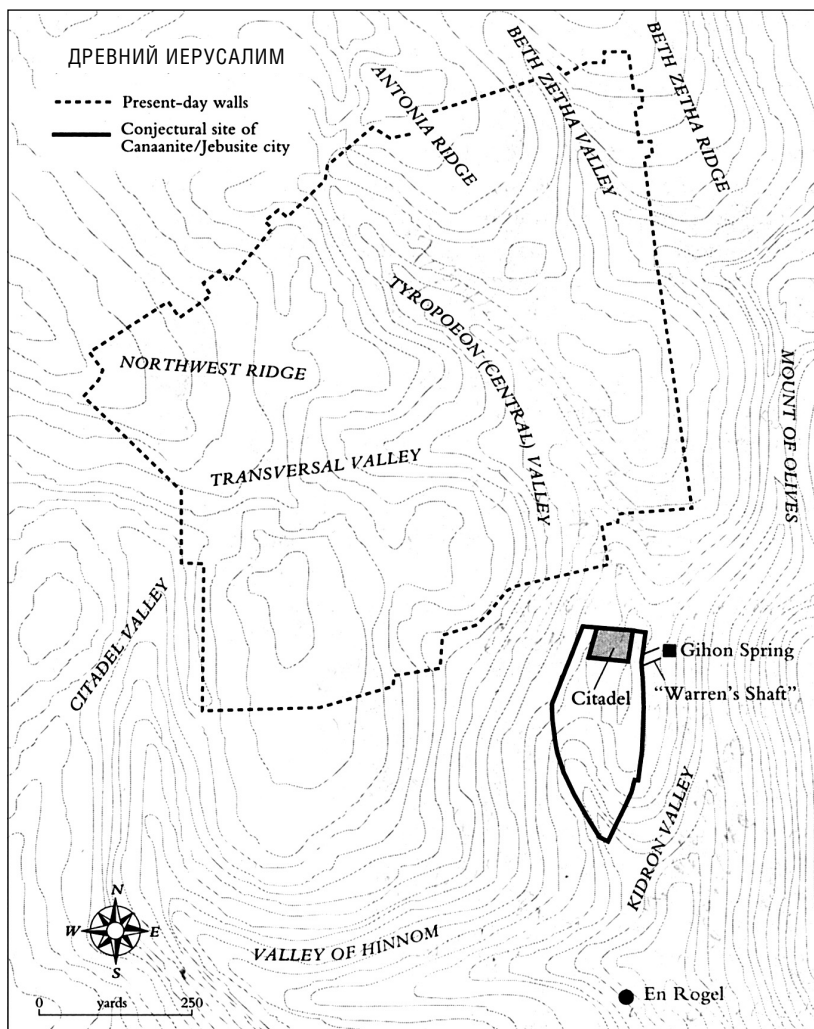
СИОН

Мы ничего не знаем о людях, первыми поселившихся на холмах и в долинах, где позже раскинулся город Иерусалим. В захоронениях на горе Офель к югу от нынешних стен Старого Города были найдены глиняные сосуды, которые датируются 3200 г. до н. э. Как раз в это время в других частях Ханаана, т. е. на территории современного Израиля, стали зарождаться города; так, на холме Мегиддо, в Иерихоне, Бейт-Шеане, на месте библейских Гая и Лахиша археологи раскопали остатки древних храмов, жилых домов, ремесленных мастерских, улиц и водоводов. Но в Иерусалиме до сих пор не обнаружено никаких свидетельств, позволяющих заключить, что и там в этот период уже началась городская жизнь. По иронии Провидения, этот город, почитаемый миллионами евреев, христиан и мусульман как центр мира, лежал в стороне от торных дорог древнего Ханаана. Расположенный в трудной для освоения гористой местности, он в те поры оказался на задворках. В эпоху ранней бронзы развитие оседлых поселений в основном тяготело к прибрежной низменности, плодородной Изреельской долине и плоскогорью Негев, где египтяне основали фактории. Ханаан обладал немалыми природными богатствами, сулившими процветание: его жители продавали в соседние страны вино, оливковое масло, мед, природный битум и зерно. Он был также важен со стратегической точки зрения, как связующее звено между Азией и Африкой и культурный мост между цивилизациями Египта, Сирии, Финикии и Месопотамии. Но даже при том, что многочисленные родники, окружавшие Офель, издревле привлекали охотников, земледельцев и временных поселенцев — археологи находили здесь глиняные черепки и кремневые орудия труда еще эпохи палеолита, — Иерусалим, насколько известно сегодня, не играл сколько-нибудь существенной роли в этом раннем расцвете.

У древних цивилизаций, как правило, был недолгий век. Приблизительно к 2300 г. до н. э. в Ханаане практически не осталось городов. То ли они были оставлены жителями из-за климатических изменений, то ли разрушены при чужеземном вторжении или в ходе внутренних междоусобиц, но городская жизнь в этих местах иссякла. Для всего Ближнего Востока это были времена крупных политических возмущений и нестабильности. В Египте распалось Древнее царство (2613–2160 гг. до н. э.); Аккадское царство в Месопотамии рухнуло под натиском амореев — западносемитского народа, сделавшего своей столицей Вавилон. По всей территории Малой Азии городские поселения пришли в упадок и были заброшены, а Угарит и Библ на финикийском побережье подверглись разрушению. По неустановленным причинам уцелела Сирия, а города северного Ханаана, такие как Мегиддо и Бейт-Шеан, продержались дольше своих южных соседей. Тем не менее во всех названных регионах продолжалась борьба за создание упорядоченных условий, в которых жизнь людей была бы более безопасной и осмысленной. Основывались новые города и государства, восстанавливались старые поселения. К началу второго тысячелетия до н. э. города Ханаана вновь были густо заселены.

О жизни в Ханаане в тот период известно очень мало. В стране не было единого централизованного государства, каждый город подчинялся независимому правителю и распространял свою власть на прилегающие сельские поселения — примерно как в Месопотамии, колыбели цивилизации. Ханаан характеризовался сильной раздробленностью и в хозяйственном отношении. Здесь не существовало крупной торговли или развитых ремесел, а природные и климатические различия между областями страны были так сильны, что эти области оставались обособленными и отрезанными друг от друга. Горы и степи Иудеи, а также долина реки Иордан, несудоходной и никуда не ведущей, были заселены слабо. Сообщение между отдельными территориями Ханаана практически не поддерживалось, путешествовали люди мало. Главная дорога, соединявшая Египет и Дамаск, пролегла по средиземноморскому побережью от Газы до Яффы, а потом, чтобы обойти болотистую местность вокруг горы Кармель, сворачивала в глубь страны, к Мегиддо, в Изреельскую долину и к Галилейскому морю. Понятно, что эти места были самыми густонаселенными, и именно они стали объектом повышенного интереса египетских фараонов Двенадцатой династии, которые в XX–XIX вв. до н. э. начали распространять свое влияние на север, в сторону Сирии. Фактически Ханаан, называемый египтянами «Ретену», не стал провинцией Египта, но египтяне установили здесь свое политическое и экономическое господство. Например, фараон Сезострис III без колебаний направлял карательные экспедиции по дороге вдоль

средиземноморского побережья, чтобы привести к подчинению местных правителей, начавших вести себя слишком независимо. Впрочем, фараоны проявляли относительно мало интереса к другим частям Ханаана, и, несмотря на подчинение Египту, таким поселениям, как Мегиддо, Хацор и Акко, со временем все же удалось набрать силу и превратиться в хорошо укрепленные города-государства. К исходу XIX в. до н. э. люди начали осваивать гористые районы страны и строить там города. Самым сильным укрепленным городом в горах был Шхем (библейский Сихем): он предположительно занимал площадь около 15 га и доминировал

над обширной прилегающей сельской местностью. Города развивались и в горах на юге страны, там возникли Хеврон и Иерусалим.

Этот момент можно считать временем выхода Иерусалима на историческую сцену. В 1961 г. британский археолог Кэтлин Кэньон раскопала остатки каменной стены толщиной почти шесть с половиной футов, проходившей по восточному склону горы Офель. Возле источника Гихон Кэньон обнаружила в стене огромные ворота. Она пришла к выводу, что стена огибала южное подножье горы и продолжалась по западному склону. С северной стороны продолжение древней стены не сохранилось, оно исчезло под более поздней городской стеной. Между стеной и отвесной скалой Кэньон нашла также фрагменты керамики, датируемые примерно 1800 г. до н. э. С севера Иерусалим был более всего уязвим, поэтому позднее здесь возвели цитадель Сион; не исключено, что крепость на севере города существовала и в XIX в. до н. э. На восточном склоне холма Офель древняя стена проходила очень низко. По всей вероятности, ее построили, чтобы огородить вход в туннель, отведенный от источника Гихон (Кенуон, 1974, р. 78¹). Этот туннель — так называемая шахта Уоррена — был открыт в 1867 г. британским военным картографом Чарльзом Уорреном и получил название в его честь. Подземный ход начинался отверстием в скале на территории города, шел наклонно вниз и заканчивался вертикальным колодецем, который соединялся горизонтальным подземным каналом с источником Гихон. Во время осады Иерусалима в колодець можно было опускать на веревках кувшины и черпать питьевую воду. Аналогичные сооружения были обнаружены при раскопках в Мегиддо, Гезере и Гаваоне. Кэтлин Кэньон высказала предположение, что шахта использовалась еще в бронзовом веке, хотя это достаточно спорно: некоторые специалисты сомневаются, что люди тогда обладали достаточными техническими навыками для создания столь сложного сооружения. С другой стороны, недавние геологические изыскания указывают на то, что «шахту Уоррена» нельзя считать полностью рукотворной: она представляет собой естественную карстовую воронку, образовавшуюся на стыке известняковых скальных массивов, а древние поселенцы вполне могли расширить ее и приспособить для своих нужд².

Возможно, что именно близость источника привлекла первых поселенцев на гору Офель. Кроме того, это место обладало стратегическим преимуществом, благодаря расположению на границе гор и Иудейской пустыни. Гора не могла обеспечить существование многочисленного

¹ Полные выходные данные цитируемых работ см. в списке литературы в конце книги.

² *New York Times*, 8 September, 1994.

населения — город занимал территорию чуть более 3,5 га. Зато он был надежно защищен обрывистыми склонами трех долин: Кедронской с востока, Хинномом (Геенной) с юга и Центральной долиной (сейчас сильно заиленной), которую древнееврейский историк Иосиф Флавий называл Тиропеон¹, — с запада. Хотя Иерусалим в ту пору не входил в число важнейших городов Ханаана, он, по-видимому, был известен египтянам. В 1925 г. в Луксоре были куплены глиняные черепки. Соединив их, археологи собрали около восьмидесяти блюд и сосудов, на которых обнаружили надписи, сделанные древним иератическим письмом. Эти надписи, как показала расшифровка, представляли собой названия стран, городов и имена правителей, считавшихся враждебными Египту. Сосуды служили для симпатической магии — жрецы специально разбили их, чтобы навлечь гибель на непокорных вассалов фараона Сезостриса III (1878–1842 гг. до н. э.). Среди прочего в надписях фигурировали 19 городов Ханаана, один из которых звался «Рушалимум». Это — первое упоминание Иерусалима в исторических документах. В относящемся к нему тексте названы также имена двух правителей: Йакрам и Шашан. В другом аналогичном тексте, написанном, как считается, столетием позже, снова содержится проклятие в адрес «Рушалидума», но на сей раз говорится уже об одном правителе.

Этот мелкий факт позволяет некоторым исследователям предположить, что в Иерусалиме, как и в остальных ханаанских городах-государствах, племенное общество, управлявшееся несколькими старейшинами, трансформировалось в XVIII в. до н. э. в городское образование с единым царем (Mazar, pp. 45–46; Ahlstrom, 1993, pp. 169–72).

Здесь мы ненадолго прервемся, чтобы поговорить о названии города. В его состав, по-видимому, входит элемент «Шалем» — имя сирийского бога заходящего солнца или вечерней звезды. Если политически древний Ханаан находился под влиянием Египта, то в религиозном и культурном плане он тяготел к Сирии. Храмы этого периода, раскопанные в Хацоре, Мегиддо и Шхеме, явно возведены по сирийской модели. Их строили по тому же плану, что и царские дворцы, лишней раз подчеркивая, что всякая власть исходит от богов. Мирянам запрещалось вступать в святилище — хехал — точно так же, как и представлять перед царем. Они могли смотреть со двора через раскрытые двери святилища на скульптурное изображение божества, помещенное в нише в другом конце зала. Археологи не нашли на территории Иерусалима храма, относящегося к бронзовому веку, но, судя по названию

¹ Слово «Тиропеон» (Тугороеон) переводится как «сыродель»; не исключено, что ко времени, когда писал Иосиф Флавий, первоначальное название долины претерпело искажение.

города, его обитатели тоже почитали сирийских богов. Имена правителей Рушалимума в египетских проклятиях — западносемитского происхождения, т. е. город был населен народом, родственным сирийцам и разделявшим их представления о мире.

Название «Рушалимум» предположительно переводится как «основал Шалем» (Mazar, p. 11). В древности на Ближнем Востоке и в Средиземноморье выбор места и определение планировки города часто приписывали богам. Холм Офель должен был привлекать первых поселенцев обилием пресной воды и удачным стратегическим положением, но название города говорит о том, что инициатива в его создании исходила от бога. В то времена все города считались священными — представление, совершенно чуждое современному западному миру: мы зачастую склонны воспринимать города как места, покинутые Богом, где религии придает все меньше значения. Но священная география появилась задолго до того, как люди начали составлять научные карты своего мира. С ее помощью человек определял для себя точки духовной и эмоциональной опоры в мироздании. Мирча Элиаде, который первым ввел понятие священного пространства, указывал, что поклонение святому месту предшествовало всем прочим попыткам осмысления окружающего мира (Eliade, 1959. p. 21). Именно с этого поклонения, наблюдаемого во всех культурах, начинались религиозные представления. Вера в то, что определенные места святы, а потому подходят для жизни человека, не была основана ни на рациональном исследовании, ни на метафизических размышлениях о сущности вселенной. Люди пытались сориентироваться в окружающем мире и ощущали, что их неодолимо притягивают к себе определенные места, которые воспринимались ими как в корне отличные от всех прочих. Именно это чувство формировало основу мировоззрения древних, и оно достигало самых сокровенных глубин души. Даже сегодня наш научный рационализм не смог до конца заменить собой древнюю священную географию. Как мы увидим далее, архаичные в своей основе представления о святых местах до сих пор продолжают влиять на историю Иерусалима и разделяются людьми, весьма далекими от религии. В разные исторические эпохи люди по-разному выражали свое восприятие священного пространства. Но когда речь заходит об особом статусе города, подобного Иерусалиму, некоторые темы возвращаются вновь и вновь. Это подтверждает, что они соотносятся с некой фундаментальной человеческой потребностью (Eliade, 1959; Eliade, 1958, pp. 1–37, 367–368; Eliade, 1991, pp. 37–56). Даже у тех из нас, кто не проявляет интереса к традиционно священным городам и не верит в сверхъестественное, часто есть свои особенные места, где они любят бывать. Такие места «священны» для нас, поскольку нерасторжимо связаны с нашим

представлением о себе. Они могут ассоциироваться с сильными душевными переживаниями, изменившими нашу жизнь, с воспоминаниями детства или с дорогими нам людьми. Попадая туда, мы можем вновь пережить тот душевный подъем, который испытали когда-то в прошлом, и на мгновение увериться, что вопреки удручающей обыденности и случайности жизненных событий в нашем существовании есть конечный смысл и ценность, — хотя мы, скорее всего, затруднились бы объяснить это логически.

В Древнем мире, как и в сохранившихся до наших дней традиционных обществах, люди разъясняли смысл своей священной географии, говоря, что мир создан богами. Таким образом, мир не был для них нейтральной территорией: местность заключала в себе некое послание к человеку. Обращаясь к космосу, люди прозревали уровень бытия, стоявший выше их бренного и несовершенного существования. Этот уровень представлял иное, более полноценное и духовно насыщенное измерение реальности, в котором она отличалась от обыденной жизни, но все-таки была очень знакомой. В попытках выразить чувство родства со сферой священного люди часто персонифицировали ее, создавая образы богов и богинь и наделяя их собственными чертами. А поскольку они ощущали присутствие божественного элемента в окружающем мире, богами становились солнце, ветер, живительный дождь. Рассказы об этих богах не предназначались для описания реальных событий, с их помощью человек пробовал выразить свой опыт приобщения к тайне бытия. Но превыше всего для него было стремление приблизить свое существование к этой высшей реальности. Наверное, было бы некорректно утверждать, что древние искали смысл жизни, поскольку это подразумевает наличие ясных представлений о положении человека. В действительности целью религиозных исканий всегда было получение некоторого переживания, а не знания. Мы хотим быть подлинно живыми, полностью реализовать свой человеческий потенциал и жить в согласии с глубинными истоками бытия. Этот поиск сверхнасыщенной жизни, которую символизируют могущественные бессмертные боги, лежит в основе всех великих религий. Люди рвались за пределы примитивной обыденности к реальности, которая дополнила бы их человеческую природу. В древности люди ощущали, что без возможности прикоснуться к божественному немыслима самая жизнь (Eliade, 1959, pp. 50–54, 64).

Потому-то, — а Элиаде сумел показать, что это действительно так, — древние старались селиться в местах, где священное однажды проявило себя, устранив преграду между людьми и богами. Возможно, бог Шалем явился кому-то на холме Офель, тем самым сделав это место «своим», и люди тянулись сюда, считая, что здесь можно соприкоснуться с богом.

Однако священное вторгалось в обыденную жизнь не только в форме божественных явлений или видений. Все, что не укладывалось в привычные рамки и противоречило естественному порядку вещей, могло быть признано проявлением священного, или, используя термин Элиаде, *иерофанией*. Скала или долина, особенно прекрасная или величественная, указывала на присутствие священного уже тем, что резко выделялась на фоне окружающей местности. Самый ее вид говорил о *чем-то еще* (Eliade, 1959, p. 33). Неизвестное, инородное, даже совершенное казалось людям архаических обществ указанием на нечто отличное от них самих. Особенно часто символами запредельного становились горы, высоко вздымающиеся над поверхностью земли. Взобравшись на вершину, верующий ощущал, что поднялся на иной уровень и находится на полпути между небесами и земным миром. Строители зиккуратов — ступенчатых храмов в Месопотамии — строили их так, чтобы они походили на горы, а семь ступеней этих огромных каменных лестниц олицетворяли семь небес. Переходя с одного яруса на другой, верующие представляли себе, что движутся сквозь космос к вершине мира, где смогут встретить своих богов (Eliade, 1959, p. 99–101; Clements, 1965, pp. 2–6; Clifford, pp. 4–10). В более гористой Сирии не было необходимости строить искусственные горы — здесь как священные почитались возвышенности естественного происхождения. Одной из них — горе Цафон, современной Джебель аль-Акра, расположенной в 20 милях к северу от Угарита, в устье Оронта, — суждено было сыграть очень важную роль в истории Иерусалима (Clifford, p. 4). В Ханаане точно так же почитались горы Хермон, Кармель и Тавор (Фавор). Как мы знаем из древнееврейских псалмов, священной была и гора Сион, расположенная к северу от холма Офель. Сегодня ее естественные очертания скрыты массивной платформой, построенной в I в. до н. э. царем Иродом для Иудейского Храма. Но вполне возможно, что в своем первоначальном виде эта гора резко выделялась среди окрестных холмов, указывая своим видом на присутствие священного «иногo» и «святость» места.

Осознав место как священное, люди начинали резко выделять его из окружающего пространства. Место, где явило себя божественное, становилось центром земли. Это понималось не в буквальном, геометрическом смысле — обитателей Иерусалима нисколько не смущало, что совсем близко находится Хеврон, тоже почитаемый как священный «центр» мира. Точно так же, когда позднее авторы псалмов и раввины называли Сион самым высоким местом на свете, для них не имел значения тот факт, что Западный холм на противоположной стороне Тиролеонской долины явно выше. Они описывали не физическую географию города, а его место на своей духовной карте. Сион воспринимался